

УДК 94(47).084.3

**ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918 – 1919 гг.)**

В. А. Дробченко

**LOCAL PUBLIC AUTHORITY IN TOMSK PROVINCE
IN THE PERIOD OF THE CIVIL WAR (1918 – 1919)**

V. A. Drobchenko

В статье представлена характеристика органов местного самоуправления в одном из крупнейших сибирских регионов – Томской губернии в период Гражданской войны, когда эти органы оказались одной из немногих сохранившихся форм представительной демократии. Показано, как на различных этапах войны («демократическая контрреволюция» и колчаковская диктатура) менялась правовая основа их деятельности, а в результате – их состав, структура и функции. Также проанализированы отношения органов местного самоуправления с властными структурами, политическими партиями и общественными организациями. Отмечено, что в период «демократической контрреволюции» местное самоуправление активно участвовало в политической жизни региона, претендуя на определенную самостоятельность, но в условиях эскалации вооруженного конфликта и ужесточения внутреннего режима его функции были ограничены административно-хозяйственными рамками. После восстановления Советской власти органы местного самоуправления были упразднены, а их функции переданы местным советам.

Local public authority in one of the biggest Siberian regions – Tomsk province – in the period of the Civil War (when it was one of the forms of participatory democracy) is characterized in the paper. The changes in the legal basis of the local public authority during the War are shown as well as its structure and functions. The relations among local public authority, government, parties and non-governmental organizations are analyzed too. It is proved that local public authority in the period of the “Democratic Counterrevolution” played a vital role in the political life of the province, pretending to be independent in some cases, but its functions were limited by administrative frames in the conditions of the War. After the reset of Soviet power, local public authority was abandoned and its functions were given to the Soviet authority.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, местное самоуправление, общественная жизнь, политическая борьба.

Keywords: Civil War, Siberia, local public authority, public life, political race.

В начале XX в. Томская губерния была крупнейшим сибирским регионом, включающим в себя территории современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, а до лета 1917 г. еще и Алтайского края. Вся полнота власти в губернии принадлежала губернатору, в уездах – исправникам. В городах действовали органы самоуправления – городские думы, к полномочиям которых были отнесены вопросы городского хозяйства, благоустройства, образования, медицины и культуры. В отличие от центральных районов в Сибири до 1917 г. отсутствовали земства. В сельской местности с 1898 г. был введен институт крестьянских начальников, которые осуществляли управление сельским населением.

Глубокие изменения в организации власти произошли после свержения самодержавия. В Томске 2 марта 1917 г. гласными городской думы и представителями общественности был сформирован Временный комитет общественного порядка и безопасности (КОБ), который стал высшей властью в губернии. Подобные комитеты в первые мартовские дни создавались повсеместно. Они возникали как органы, сформированные на многопартийной основе, в них входили представители различных социальных слоев. К началу апреля 1917 г. комитеты взяли в свои руки всю власть на местах, контролировали все сферы общественной жизни.

Поскольку Временное правительство медлило с официальным признанием комитетов как органов власти на местах, в ряде случаев инициативу по формированию легитимных муниципальных структур перехватили губернские КОБы. Уже 13 марта 1917 г. Томский губернский комитет опубликовал постановление «О порядке выборов народных собраний и исполнительных комитетов», в котором была определена вертикаль власти в рамках губернии с учетом принципа разделения властей [22, 13 марта].

С апреля в губернии развернулась широкая кампания по выборам в органы местного самоуправления – городские, уездные и губернское народные собрания. Губернское народное собрание, проходившее с 20 апреля до 18 мая 1917 г., приняло постановление, определившее структуру органов местной власти в пределах губернии. Высшими законодательными органами стали губернское, городские, уездные и волостные народные собрания, а исполнительными – соответствующие исполнительные комитеты. Формирование народных собраний на местах растянулось по времени, но к середине лета 1917 г. в Томской губернии повсеместно КОБы были заменены исполнительными комитетами, на которые возлагалось выполнение решений народных собраний.

В конце весны – начале лета 1917 г. Временное правительство приняло ряд нормативных актов по вопросу местного самоуправления, в соответствии с

которыми потребовало от губернских властей провести городские и земские выборы. В Томской губернии проведение таких выборов завершилось к концу осени 1917 г. Однако большинство волостных и сельских земств приступило к работе лишь в конце 1917 – начале 1918 гг.

В ноябре – декабре 1917 г. в Томской губернии сложилось своеобразное «провинциальное двоевластие». В этот период параллельно существовали советы и органы местного самоуправления. 6 декабря 1917 г. Томский совет заявил о взятии власти в свои руки. Вслед за ним последовали и другие советы. В большинстве рабочих поселков после провозглашения власти советов органы местного самоуправления были распущены. Но в сельской местности земства как первичные властные структуры сохранялись до весны 1918 г. Советская власть опиралась на них в решении организационно-хозяйственных вопросов на селе.

К весне 1918 г. противостояние советов и земств, в которых преобладали эсеры, усилилось. II губернский съезд крестьянских депутатов, проходивший в Томске под руководством большевиков со 2 по 10 марта 1918 г., заявил о признании Советской власти и принял резолюцию, в которой отметил, что земские учреждения, «как отжившие свой век, должны исчезнуть и все их функции должны отойти к губернскому исполнительному комитету советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Съезд поручил губернскому исполкому немедленно распустить все земские учреждения [36, с. 186 - 192]. 27 марта губисполком постановил в связи с тем, что «земство во многих местах Томской губернии открыто противодействует советским организациям», земские учреждения распустить, а их дела передать соответственным советам [21, 27 марта]. Большевикам удалось изменить расстановку сил в губернии в свою пользу. Под их руководством в начале весны 1918 г. прошли уездные крестьянские съезды, принявшие решения о роспуске земств.

В конце мая 1918 г. в результате антибольшевистского переворота власть в Томской губернии перешла к Западно-Сибирскому комиссариату уполномоченных Временного Сибирского правительства (ЗСК), который своей высшей целью провозгласил «спасение всех завоеваний революции и восстановление национальной независимости», а одной из первоочередных задач – возобновление деятельности органов местного самоуправления [18, с. 16].

Восстановление органов местного самоуправления в Томской губернии шло довольно быстро. Томская губернская земская управа 1 июня 1918 г. объявила о том, что она приступила к исполнению своих обязанностей. В обращении к уездным, волостным и сельским управам губернская управа предложила им восстановить свою работу в прежнем составе, приняв дела, документы и деньги от советских организаций. В своей работе им рекомендовалось временно руководствоваться положением о губернском земстве Временного правительства, постановлением губернского земского собрания и действовать применительно к условиям момента [5, 4 июня]. Для помощи органам сельского самоуправления губернской управой

были созданы кадры земских инструкторов, «знакомых теоретически и практически с земским делом».

В ходе переворота ЗСК направлял на места своих уполномоченных – комиссаров. Их функции были определены постановлением ЗСК от 4 июня 1917 г., в котором указывалось, что непосредственной задачей комиссаров является «наблюдение за точным и неуклонным проведением в жизнь полного народоуправления с восстановлением органов местных самоуправлений на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» [4, с. 55].

В первых числах июня возобновили свою деятельность Томская, Каинская, Мариинская уездные земские управы. Началось восстановление сельских органов самоуправления. В ряде случаев крестьяне по собственной инициативе распускали советы и восстанавливали земства. Так было, например, в Чилинской и Болотнинской волостях Томского уезда, Алексеевской, Гутовской, Елтышевской волостях Каинского уезда [1, 15 июня; 27, 21 июня; 30, 29 июля]. 20 июня временный комиссар Тогурского уезда Г. Н. Грехнев сообщал областному комиссару о том, что на вверенной ему территории повсеместно совдепы распущены, установлена власть сельских и волостных комитетов, а «восстановленная земская власть пользуется поддержкой большинства населения» [11, л. 35 – 35 об.].

На первых своих заседаниях городские думы и земства единодушно заявляли о поддержке Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы. Им сразу пришлось заняться массой текущих дел. Однако сразу же возник вопрос о персональном составе гласных. Мариинская городская дума в экстренном заседании 9 июня постановила «в виду изменившегося состава населения и возможности в зависимости от этого новых группировок настоящий состав думы переизбрать» [34, 3 июля]. Собрание служащих Каинской уездной земской управы предложило для восстановления нормальной работы земств избрать от каждого поселения по одному представителю для пополнения числа волостных гласных и переизбрать состав волостных управ, не пользующихся доверием населения [1, 29 июня].

Неоднозначно складывались отношения между органами самоуправления и военными властями. Томская городская дума спустя пять дней после переворота избрала комиссию в составе 10 членов и обязала ее «в полном контакте с военными принять участие во власти». Нередко на местах военные власти стремились взять под контроль деятельность органов местного самоуправления. Управляющий делами ЗСК Г. К. Гинс в телеграмме от 20 июня 1918 г. разъяснял начальнику Барабинского гарнизона поручику Кандаратскому, что он не вправе вмешиваться в дела городской думы и пытаться сместить ее председателя [17, с. 79; 24, с. 127]. 29 июня командир Средне-Сибирского корпуса подполковник А. Н. Пепеляев направил телеграмму начальникам гарнизонов, комендантам городов и станций по линии Нижнеудинск – Красноярск – Барабинск, в которой категорически приказывал «не вмешиваться в порядок гражданского управления, предоставляя этот последний комиссарам Сибирского временного правительства и местным самоуправлениям» [9, л. 179].

Однако под натиском правых ЗСК проводил все более жесткую политику. 27 июня было принято постановление об удалении в административном порядке из состава органов самоуправления представителей антигосударственных партий и организаций. Как следствие, из Томской городской думы были исключены 33 большевика, хотя часть думских гласных с этим не соглашалась, находя подобное исключение нарушением демократии [13, с. 143].

30 июня 1918 г. ЗСК передал власть Совету министров Временного Сибирского правительства во главе с П. В. Вологодским (ВСП). Правительство сразу же заявило, что оно «неуклонно пойдет по пути создания и укрепления на всей территории Сибири... незыблемого правопорядка и мощной государственности» [4, с. 102 – 1039]. В отношении органов местного самоуправления был взят курс на их отстранение от участия политической жизни и ограничение их деятельности решением административно-хозяйственных вопросов. Постановлением от 17 сентября 1918 г. из ведения городских и земских самоуправлений изымалась милиция. Она передавалась в ведение министерства внутренних дел [18, с. 216].

Местные самоуправления пытались отстоять свои права. Томская губернская земская управа в ответ на постановление об изгнании большевиков из местных самоуправлений выразила решительный протест «против вмешательства правительственной власти в сферу деятельности автономных выборных органов самоуправления» [32, 5 июля]. В ответ на постановление о переподчинении милиции Новониколаевская городская управа направила жалобу ВСП, в которой указала, что милиция должна находиться в подчинении городского самоуправления [28, 27 сент.]. Мариинская уездная управа, оповестив население о переходе милиции в ведение МВД, заявила, что слагает с себя ответственность за правильность действий милиции. Вместе с тем управа предложила сообщать ей о всех случаях злоупотреблений со стороны милиции «для возбуждения ходатайств о предании суду виновных» [20, 9 сент.].

Разногласия между ВСП и органами местного самоуправления во многом были обусловлены тем, что в руководстве последними преобладали эсеры, выдвинувшие идею «третьего пути» в революции, связанную с созданием широкого демократического фронта с участием в нем и представителей левых социалистических течений. Воплотить в жизнь эту идею предполагалось с помощью Сибирской областной думы, которой предстояло обеспечить созыв Всероссийского и Всесибирского Учредительных собраний.

Одна из попыток объединения сил была предпринята эсерами на Всесибирском съезде земств и городов (Томск, 2 – 11 сентября 1918 г.). По вопросу о составе высшей областной власти съезд постановил «доставить до сведения совета министров Временного Сибирского правительства, что окончательное слово по указанному вопросу должно принадлежать Областной думе, единственному правомочному источнику высшей власти». Также съезд постановил создать постоянное объединение городов и земств Сибири под именем «Всесибирского союза земств и городов –

Сибземгор» и избрал его главный комитет [36, с. 289 – 292].

Попытки эсеров через органы местного самоуправления влиять на правительственный курс вызвали раздражение у правых, а состав гласных нередко вызывал нарекания как у властей, так и у населения. В конце июня 1918 г. коллектив служащих Каинской уездной земской управы принял резолюцию, в которой указал, что «состав волостных гласных и управ не может считаться в настоящее время истинным представителем населения, так как выборы их производились в то время, когда наиболее энергичная и дееспособная часть населения находилась в войсках» [1, 29 июня, 10 июля]. В циркуляре ВСП и МВД, направленном на места 27 июля 1918 г., указывалось, что при восстановлении городских общественных управлений после ликвидации большевиков в ряде мест был нарушен закон, и в результате произошли существенные изменения в составе городских самоуправлений [8, л. 17]. Ситуацию изменить должны были новые выборы.

Летом 1918 г. на выборах в городские думы в безуездных городах борьба развернулась между блоками местной буржуазии и левых партий (эсеров и социал-демократов). В Барабинске дополнительно к ним был выставлен список духовенства и мирян. Блок эсеров и социал-демократов получил 15 мест, духовенство – 3, домовладельцы – 7 мест. В Боготоле домовладельцы срывали плакаты социалистов, на списках социалистического блока они делали надписи, что там все большевики. Однако, несмотря на все их старания, в состав думы от социалистов прошло 15, а от домовладельцев – 10 гласных [1, 10 авг.; 21, 13 авг.; 29, 23 авг.]. На выборах в Кузнецкую городскую думу списки гласных составлялись отдельными группами лиц, поскольку «в городе не оказалось никаких политических партий». В один из списков были включены бывшие деятели совдепов [30, 19 авг.].

С конца лета в губернии началась кампания по выборам волостных и уездных гласных на трехлетие 1919 – 1921 гг. В ходе кампании выявился ряд проблем. Так, Томская уездная земская управа 30 августа 1918 г. сообщала министру внутренних дел о том, что очевидным следствием объединения в один округ отдаленных друг от друга населенных пунктов явится «весьма слабое участие в выборах населения окраинных населенных мест». Такое, как отмечалось в обращении, уже наблюдалось на выборах в 1917 г., «когда население отличалось большой подвижностью и энергией в делах общественной жизни», а «в настоящую пору, когда подвижность и энергия заменились усталостью и апатией», явка на избирательные участки будет еще ниже [7, л. 12 – 13].

В конце сентября 1918 г. Мариинская уездная управа, обсудив вопрос о выборах в волостное земство, пришла к заключению, что «при безграмотности населения и громадности расстояний между селениями волости, мешающей успешному согласованию выборов, наиболее пригодной является пропорциональная система избрания, при которой от населения не требуется ничего, кроме умения написать ту или иную цифру» [20, 29 сент.].

Выборы показали растущий абсентеизм населения. В Тайге в начале октября 1918 г. в выборах в городское самоуправление из 3237 избирателей участвовало только 740 человек [12, л. 12]. «Обыватель позорно равнодушен к выборам», – констатировала «Народная Сибирь» 15 сентября 1918 г.

Одной из самых серьезных проблем, с которыми пришлось столкнуться органам местного самоуправления, была нехватка средств. Мариинская городская управа сообщала, что не в состоянии вовремя выплачивать жалованье служащим, «средств нет на самые необходимые расходы городского самоуправления» [20, 25 сент.]. Кузнецкая уездная земская управа работала, но из-за отсутствия средств не могла провести в жизнь «план благоустройств культурно-просветительной и хозяйственной жизни уезда» [29, 13 сент.].

«На голом месте, как на пожарище, приходится молодому сибирскому земству творить новое, восстанавливать прежнее, погубленное большевиками», – писал в газете «Народная Сибирь» за 15 сентября 1918 г. некто, скрывшийся за инициалами «В. О.». Он указал еще на одну серьезную проблему – «недостаток культурных сил на местах». Автор отмечал, что «часто в среде членов уездных земских управ даже во главе их находятся люди, которые не только не смогут вести определенную земскую политику, но даже не могут поддержать деловую, чисто хозяйственную сторону земской жизни».

Авторитет органов местного самоуправления подрывался как некомпетентностью, так и прямым произволом представителей власти. В поселке Креценский Пешковской волости Каинского уезда местные власти присвоили часть денег, направленных из уезда для беднейших солдатских семей. В селе Киселевское Верхне-Каинской волости того же уезда председатель и члены сельской управы погрязли в пьянстве [1, 12 июля].

В газете «Народная Сибирь» от 27 октября 1918 г. сообщалось, что на железнодорожных станциях, в вагонах пассажиры в разговорах между собой часто заявляют: «Милиция, полиция, – это те же лица, тот же городской, только взял, да перевернул штаны на другую сторону». В своих комментариях редакция добавила и характеристику низовых властных структур: «Наше земское или сельское самоуправление сохранило полную преемственную связь с низвергнутой совдепией. Произошла лишь только перелицовка и некоторое так сказать «углубление». В некоторых случаях не была даже соблюдена внешняя видимость: сельский совдеп, например, в своем большинстве так до сих пор и не переизбирался, сняв лишь вывеску, переименовался в «сельский комитет».

Резкой критике подвергалась и деятельность городских самоуправлений. В редакционной статье газеты «Русская речь» 12 октября 1918 г. отмечалось, что в них мы видим «полное отсутствие какой-либо сознательной работы», «полное отсутствие пригодных для работы лиц, невероятнейший дефицит, хаос в учреждениях и предприятиях городских, хроническое отсутствие кворума. Городские управы действуют только в двух случаях: ходатайствуют о получении субсидий и политиканствуют».

Авторитет органов самоуправления снижался не только среди избирателей. Становилось все больше гласных, пренебрегавших своими обязанностями. На заседание Мариинской городской думы 19 сентября явилось 9 из 33 гласных. 29 октября заседание городской думы не состоялось из-за отсутствия кворума. Не удалось собрать кворум на заседаниях Новониколаевской городской думы 13, 27 сентября, 5, 8, 18 октября. В конце концов заседания стали проводиться в следующем порядке: приходили двое гласных и председатель, который объявлял заседание несостоявшимся и назначал день вторичного заседания, законного при всяком кворуме. Не намного лучше обстояли дела в сельской местности. В Боготольской волости Мариинского уезда 29 сентября на волостное собрание из 96 избранных явилось только 57 гласных [20, 25 сент., 20 окт., 1 нояб.; 28, 17 сент., 1, 8, 12, 22 окт.].

В этих условиях МВД предложило Административному совету внести изменения в законодательство о выборах в городские думы. Суть этих изменений сводилась к замене принципа пропорционального представительства принципом относительного большинства полученных голосов, к недопущению к выборам военнослужащих, чинов милиции и заключенных под стражу, повышению возрастного ценза до 21 года и введением ценза оседлости [7, л. 15]. Большинство этих положений легло в основу новых правил о производстве выборов, которые были утверждены уже Временным Российским правительством адмирала А. В. Колчака в конце декабря 1918 г. Пока закон находился в стадии разработки, совет министров 20 декабря принял постановление, согласно которому с 1 января 1919 г. было приостановлено проведение земских выборов на трехлетие 1919 – 1922 гг. и на этот же срок продлялись полномочия действующих земских управ и собраний [19, с. 128 – 129].

Для председателей и членов земских управ даже был разработан текст присяги (утвержден постановлением Совета министров от 28 января 1919 г.), в котором содержались обязательства «быть верным и неизменно преданным Российскому государству», «служить ему, не щадя жизни», «повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным правителем впредь до установления образа правления свободно выраженной волей народа» [35, 11 июня].

Новые правила о производстве выборов гласных городских дум были опубликованы в «Правительственном вестнике» 2 февраля 1919 г. Согласно новому закону система пропорциональных выборов заменялась мажоритарной. Для активного избирательного права возрастной ценз был определен в 21 год, для пассивного – в 25 лет. Также вводился ценз оседлости – 1 год.

По распоряжению МВД от 17 февраля городским управам поручалось немедленно назначить выборы по новому закону [33, 23 февр.]. Профессор С. Мокринский в статье «Новый закон о выборах в городские думы» охарактеризовал закон как «глубоко демократический», отметив, что повышение возрастного ценза должно привести к тому, что городским хозяйством не будут вестись люди, «зрелость которых приходится поставить под знак вопроса» [35, 5 марта]. Впрочем, были и иные оценки. Некто П. Петров писал в том-

ской газете «Голос Сибири» от 1 января 1919 г.: «Мы являемся свидетелями ряда реформ, являющихся урезанием местных самоуправлений». Совет профсоюзов г. Томска отмечал, что закон «значительно ухудшил положение трудящихся», лишив многих из них их избирательного права.

Все большие нарекания у властей вызывала и деятельность органов сельского самоуправления. Они были не столь политизированы, как городские, но именно им приходилось напрямую соприкасаться с крестьянской массой, заниматься сбором налогов. На закрытом съезде управляющих уездами Томской губернии (Томск, 30 января – 5 февраля 1919 г.) указывалось, что сельский сход и староста бездействуют; сельские комитеты по составу и пределам власти не могут быть признаны удовлетворительными. Съезд постановил считать единственной исполнительной властью на селе старосту, а на уровне волости – сохранить волостные земские управы, введенные Временным правительством. Съезд закрепил следующую структуру административного управления в уездах: управляющий уездом, его помощники, уездное присутствие во главе с председателем – управляющим уездом. Большинство голосов съезд признал за администрацией контролирующую функцию над самоуправлением [25, с. 150 – 155].

Вопросы об изменении законодательства о земстве, переизбрание гласных, разграничении полномочий губернского и уездных земств были вынесены на съезд представителей уездных земских управ Томской губернии (Томск, 26 февраля – 8 марта 1919 г.). В работе съезда участвовали делегаты из Щегловского и Мариинского уездов [35, 27 февр., 7, 15, 19, 22 марта]. Выяснилось, что ситуация на местах препятствует проведению выборов в кратчайшие сроки. Так, в начале апреля Мариинская уездная земская управа приняла решение о приостановке до осени выборов волостных гласных в связи с «неспокойным состоянием уезда» [20, 20 апр.].

В конце апреля 1919 г. в Новониколаевске нелегально была проведена Сибирская конференция партийных организаций ПСР, которая заявила «о необходимости немедленно приступить к самой интенсивной работе по подготовке государственного переворота» [15, с. 211]. С конца весны эсеры – работники земских структур активизировали деятельность среди крестьян. В середине мая «за антигосударственную пропаганду» и за участие в организации «Объединения трудового крестьянства» были арестованы инструктора Томской губернской земской управы Иванов и Опенко [10, л. 81]. В связи с этим управляющий губернией Б. М. Михайловский 27 мая отдал распоряжение председателю губернской земской управы «о безотлагательном отозвании с мест инструкторов отдела внешкольного образования губернского земства», запретив впредь посылать их без предварительного своего разрешения [10, л. 2].

С лета 1919 г. началась кампания по выборам в городские думы, которая наиболее активно велась в Томске и Новониколаевске. В большинстве уездных и безуездных городов выборы прошли тихи и незаметно. В Боготоле в выборах принял участие 351 человек из 2676 избирателей (13 %). В Колывани к избира-

тельным урнам пришло менее 5 % избирателей (168 из 3931) [3, 16 июня, 23 июля]. Низкой была явка избирателей в Кузнецке и Мариинске. Несколько выше явка избирателей была в Томске (25 %) и Новониколаевске (около 22 %).

В Новониколаевске на выборах городскую думу 29 июня борьба велась между двумя списками: № 1 – деловой, внепартийный, объединявший Союз церковно-приходских советов, домовладельцев, старообрядцев и мусульман; № 2 – демократический, в который вошли эсеры, социал-демократы, народные социалисты, профессиональные союзы и кооперативы. В каждом из списков было по 55 кандидатов. За № 1 подано 3165 записок, за № 2 – около 1500. В городскую думу избраны 55 гласных, в том числе все 54 кандидата от делового внепартийного списка и 1 – от демократического [3, 11 июля; 32, 1, 2, 5 июля; 35, 5 июля].

Томск был разбит на 5 округов, в каждом из которых были выдвинуты самостоятельные списки. По 1 и 2 избирательным округам были зарегистрированы два списка: 1) блока общественных деятелей, Союза квартирантских, Союза по борьбе с жилищной нуждой и продовольственных организаций и 2) деловой беспартийный список Союза домовладельцев, торгово-промышленного класса и лиц разных профессий. По 3 и 4 округам было выставлено 3 списка: кроме двух упомянутых еще был выдвинут блок профессиональных союзов и социалистических групп г. Томска. По 5 округу вместо блока профессиональных союзов была зарегистрирована группа прогрессивно-демократических общественных деятелей [35, 27 июня].

К выборам блок профессиональных союзов и социалистических групп выпустил ежедневную газету «Накануне», в которой призывал «рабочих и трудовую демократию к активному участию в выборах, дабы добровольно, без всякой борьбы, не отдавать городского хозяйства в беспредельное хозяйничанье врагам трудящихся» [26, 6 июля].

Результаты выборов по городам губернии представляли весьма пеструю картину. В Томске наибольшее число голосов получил список квартирантских, в Новониколаевске – внепартийный, в Мариинске – демократических групп, в Колывани – домовладельцев. Из-за многочисленных нарушений в Новониколаевске, Боготоле и Мариинске результаты выборов были опротестованы властями [3, 11, 18, 21, 23 июля; 14, с. 172].

Преобладание в органах местного самоуправления лиц либеральной ориентации заметно беспокоило власти. 4 августа 1919 г. управляющий губернией Б. М. Михайловский сообщал в правительствующий сенат о том, что «состав земских деятелей в губернии и кооперации слагается главным образом из элементов антигосударственных, причастных к большевизму и составляющих ядро противоправительственной агитации» [10, л. 38 – 39]. В Мариинске в начале августа военными властями были арестованы почти все члены уездной земской управы и часть ее служащих [28, 7 авг.].

В то же время власти пытались использовать земства для борьбы с нарастающим повстанческим движением. Так, 11 августа в с. Поломошное собрание уполномоченных, созданное волостной управой, по-

становило для поддержки Сибирской армии в борьбе с большевизмом организовать волостной комитет по мощи армии [35, 19 авг.].

Повстанцы, рассматривая земские органы, как низовые структуры колчаковской власти, стремились дезорганизовать их работу. С конца лета участились случаи нападения партизан на волостные управы. В селах Краснознаменское Кузнецкого уезда, Медодатское, Тисуль Мариинского уезда, Ишим, Семилуцкое Томского уезда, Баянское, Вознесенское и Мунгатское Щегловского уезда партизанами было уничтожено делопроизводство, списки подлежащих призыву, изъяты печати [3, 10 сент.; 6, л. 121; 34, 30 сент., 10 авг., 2, 14 нояб.]. В июле – августе в ходе Урманского восстания, охватившего 56 волостей Каинского, Татарского и Тарского уездов, повстанцами разгонялись земства и восстанавливались советы крестьянских депутатов [37, с. 103].

Мариинская уездная земская управа констатировала, что в уезде происходят «грабежи, насилия и разгул банд», разгром многих волостных земских управ, уничтожение их делопроизводства, частая смена волостных земских работников, что привело к «фактическому отрыву» Мариинского земства от населения уезда [35, 13 нояб.].

С 11 по 24 октября 1919 г. в Иркутске Сибземгором было проведено земско-социалистическое совещание, в котором участвовали представители шести губернских (в том числе и Томского), двух областных и семи уездных земств. Совещание приняло решение встать в радикальную оппозицию по отношению к правящему режиму. Участники совещания обсудили и приняли проект создания земско-краевых объединений, прообразов будущей демократической власти [15, с. 251]. Но этим планам уже не суждено было сбыться. Под натиском Красной армии колчаковцы почти без сопротивления откатывались все дальше на восток. 14 декабря части Красной армии заняли Новониколаевск, а 17 декабря власть в городе перешла к ревкому [31, с. 354, 356].

В Томске, после того, как город оставили колчаковские войска и бежали высшие чины администрации, 17 декабря состоялось экстренное заседание городской думы, которая решила принять на себя всю полноту власти и избрала из гласных Комитет общественной безопасности и охраны порядка. Но уже

18 декабря высшей властью в городе объявил себя военно-революционный комитет, созданный из представителей социалистических партий. В связи с этим Комитет общественного порядка объявил о прекращении своей деятельности. 20 декабря в Томск вошли части Красной армии. 25 декабря на совместном совещании представителей Сибирского бюро ЦК РКП(б), Сибирского революционного комитета, Реввоенсовета 5-й армии и руководства Томской большевистской организации вместо коалиционного ревкома создан Томский губернский революционный комитет. Постановлением ревкома были распущены городская дума и управа, а их дела переданы ревкому [2, с. 501, 506; 14, с. 110 – 111; 23, с. 49 – 52]. К концу 1919 г. на большей части Томской губернии была восстановлена Советская власть, органы местного самоуправления распущены, а их функции переданы ревкомам.

В период Гражданской войны органы местного самоуправления оказались в крайне сложном положении. Им пришлось столкнуться с массой проблем, многие из которых требовали скорейшего разрешения, а на это далеко не всегда хватало сил и средств. В структуре власти органы самоуправления находились на нижней ступени пирамиды и непосредственно соприкасались с населением, на них возлагалось претворение в жизнь указаний и распоряжений вышестоящих структур, а на сельские – еще и сбор налогов. В связи с этим органам самоуправления в первую очередь приходилось непосредственно испытывать на себе нарастающее массовое недовольство.

В условиях «демократической контрреволюции» и особенно колчаковской диктатуры местные самоуправления представляли из себя (даже при всех их недостатках) одну из немногих сохранившихся форм представительной демократии. Гражданская война с ее вооруженным противоборством вела к тому, что органам самоуправления пришлось определять свое «политическое лицо». Они не желали ограничить круг своей деятельности исключительно административно-хозяйственными функциями, стремились влиять на власть, корректировать ее действия и в результате становились все более политизированными. Независимые органы самоуправления не вписывались в рамки ни «белого», ни «красного» режимов, что и определило их уничтожение после восстановления Советской власти в регионе.

Литература

1. Барабинская степь. Каинск, 1918.
2. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 – 1919 гг.): сб. док. матер. Томск: Зап.-Сиб. изд-во, 1957.
3. Вестник Томской губернии. Томск, 1919.
4. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и матер. / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2007.
5. Голос народа. Томск, 1918.
6. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1520.
7. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 21.
9. ГАО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 213.
10. ГАО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 353.
11. ГАО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 64.
12. ГАО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 85.

13. Дмитриенко Н. М. Городское самоуправление в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917 – 1919) // Тр. Том. обл. краевед. музея: сб. статей. Томск, 2002. Т. XII. С. 139 – 146.
14. Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII – XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
15. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917 – 1923 гг.). Новосибирск: Наука, 2002.
16. Железнодорожник. Томск, 1918.
17. Журавлев В. В. Взаимоотношения гражданских и военных властей сибирской контрреволюции в мае – июле 1918 г. // Материалы XXXIV МНСК: история. Новосибирск, 1996. С. 79 – 82.
18. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 1.
19. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005.
20. Звено. Мариинск, 1918.
21. Знамя революции. Томск, 1918.
22. Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности. Томск, 1917.
23. Ларьков Н. С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2011. № 3(15). С. 46 – 56.
24. Мальцева Т. В. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917 – 1929 гг.). Томск, 1983. С. 125 – 138.
25. Мальцева Т. В., Наумова Н. И. Вопросы организации местной власти и управления на съезде управляющих уездами Томской губернии 30 января – 5 февраля 1919 г. // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XII. Томск, 2002. С. 150 – 155.
26. Накануне. Томск, 1919.
27. Народная газета. Томск, 1918.
28. Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918.
29. Наш голос. Томск, 1918.
30. Наша мысль. Томск, 1918.
31. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880 – 1919 гг. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н. С. Ларьков, В. А. Дробченко. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013.
32. Рабочее знамя. Томск, 1918.
33. Русская речь. Новониколаевск, 1919.
34. Сибирская жизнь. Томск, 1918.
35. Сибирская жизнь. Томск, 1919.
36. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э. И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1 – 2.
37. Хроника Новосибирской организации КПСС (1891 – 1987 гг.). Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.

Информация об авторе:

Дробченко Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии и истории филиала КемГУ в г. Анжеро-Судженске, vadrobchenko@yandex.ru.

Vladimir A. Drobchenko – Doctor of History, Professor at the Department of History and Philology, Anzhero-Sudzhensk branch of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.